

*Посвящается Кэрен, Найаму и Финну.
Я вас люблю*

Пролог

Когда я видел отца живым в последний раз, он был привязан к тюремной каталке и лежал с раскинутыми руками, как будто его готовили к распятию. Все возможные в данных обстоятельствах апелляции мы подали и получили на них отказы. На отсрочку исполнения наказания надеяться не приходилось. В каждой руке у него уже торчало по катетеру с капельницей. Для наступления смерти достаточно было инъекции в одну руку, но было решено подстраховаться. На мониторе фиксировались последние биения его сердца. Даже в этой ситуации пульс у него был стабильным и спокойным — 75 ударов в минуту.

Увидеть смерть отца пришли около двадцати человек: родители жертв, сотрудники тюрьмы и еще мужчина в новом строгом костюме, представляющий губернатора штата Калифорния. Все старались устроиться поудобнее, чтобы ничто не мешало хорошо рассмотреть основное действо. Я же почти не замечал окружающей меня суеты.

Отец бросил на меня пристальный взгляд, пронзивший меня насквозь даже через толстое оргстекло. В эту

Джеймс Кэрол

секунду для меня во всем мире существовали только он и я. Я не сводил с него глаз, силясь понять, о чем он думает. За свою жизнь я перевидал немало психопатов и уже знал, что отец не сожалеет о содеянном. Он не был способен испытывать угрызений совести за свои преступления.

За двенадцать лет отец убил пятнадцать молодых женщин. Он похищал их и вывозил в бескрайние орегонские леса, где выпускал на свободу и охотился на них с мощной винтовкой. Никакой жалости к своим жертвам он не испытывал, для него они были просто игрушками.

Я не отводил глаз под его пристальным взглядом. У него были яркие зеленые глаза с золотым ободком вокруг зрачка — точно такие же, как у меня. У нас с ним было много общих генетических черт, и смотреть на отца было все равно что смотреть в темный длинный тоннель моего будущего. Мы оба были худые и высокие — метр восемьдесят, оба пили очень много кофе, и, благодаря какому-то редкому гену, у нас обоих были седые, как снег, волосы. Я поседел, когда мне было чуть за двадцать, отец и того раньше.

Есть три причины, по которым он так долго оставался на свободе и продолжал убивать. Во-первых, он был умен и всегда на шаг впереди тех, кто охотился на него. Во-вторых, абсолютно неприметное лицо — такие, как он, легко смешиваются с толпой. И, в-третьих, его спасала краска для волос. Ведь если у вас яркие, необычные волосы, уже неважно, какое у вас лицо.

На долю секунды на лице отца промелькнула злая ухмылка уличного хулигана. Он произнес три слова, которые я прочел по губам, и у меня внутри все похолодело. Эти три слова попали в мой внутренний тайник, который я очень хорошо прятал даже от самого себя.

Сломанные куклы

Видимо, он увидел, как изменилось выражение моего лица, потому что пулънул в меня еще одной убийственной улыбкой и закрыл глаза в последний раз.

Начальник тюрьмы спросил отца, хочет ли он что-то сказать напоследок, но отец никак не отреагировал. Он повторил вопрос, подождал ответа почти целую минуту и, не получив его, дал знак приводить приговор в исполнение.

Сначала по катетеру пустили пентобарбитал, быстродействующий анестетик. Через несколько секунд отец уже был без сознания. Затем последовал панкуроний бромид, парализовавший мускулатуру его дыхательных органов. И в завершение, чтобы остановить сердце, в вены ввели хлористый калий. Через шесть минут и двадцать три секунды была зафиксирована смерть.

Позади меня, не сдерживаясь, рыдала мать одной из жертв. Муж пытался ее успокоить. Судя по остекленевшему взгляду, лекарств она выпила немало. В состоянии медикаментозного летаргического сна была не одна она. Достаточно было посмотреть вокруг, чтобы это понять. Отец оставил за собой длинный, глубокий след из боли, и сила этой боли еще очень долго будет напоминать о себе. Отец одной из жертв пробормотал что-то про «слишком легко отделался», выразив ощущение большинства людей, пришедших смотреть на казнь. И я не мог с ними не согласиться: я видел фотографии с мест преступлений и читал протоколы результатов вскрытия. Каждая из этих пятнадцати девушек умерла медленной, мучительной смертью, которая очень контрастировала со смертью моего отца.

Я вышел из здания вместе со всеми и двинулся к парковке. Какое-то время я просто сидел в арендованной машине, вставив ключ в зажигание, и пытался разогнать туман в голове. Я все никак не мог отделаться от тех трех

Джеймс Кэрол

слов, которые произнес отец. Я знал, что это неправда, что он просто провоцирует меня, но при этом я не мог избавиться от ощущения, что зерно правды там все-таки есть. А если так, то кто же я теперь? Вся наша жизнь — это замок, построенный на зыбучих песках и линиях разлома. В последние минуты жизни отцу удалось вызвать в моей жизни землетрясение мощностью девять баллов и разрушить все, что я считал правильным и истинным.

Я повернул ключ, завел машину и поехал в сторону аэропорта. Мой рейс в Вашингтон был в 6.30 следующего утра, но я так никуда и не улетел. Я проехал мимо съезда к аэропорту и отправился дальше по шоссе до самой Вирджинии. Перспектива сидеть и ждать вылета в невыносимой статичности аэропорта меня совершенно не привлекала. Торопиться было некуда: в Куантико меня ждали только на следующей неделе. Но мне не терпелось сбежать к чертям из Калифорнии — чем дальше, тем лучше.

Минуты превращаются в часы, часы — в дни, а дни — в годы. Об этом я думал, наблюдая, как стрелка спидометра ползет вверх. Это было правдой, но лишь частичной. А самая настоящая правда состояла в том, что я пытался убежать от этих трех слов. Но, куда бы я ни ехал, спрятаться от них я все равно не мог.

И даже сейчас, через полтора года, эти три слова преследуют меня, всплывая в голове тогда, когда я жду этого меньше всего. Через какое-то время я даже озвучил для себя эти прочтенные по губам отца слова, представил, как именно он их произносит, по-калифорнийски растягивая слоги, — так же, нараспев, он говорил, заманивая своих жертв. Я и сейчас слышу эти слова так, как если бы он сидел рядом со мной: *«Мы с тобой оди-наковые»*.

Женщину на больничной кровати легко можно было принять за труп. О том, что она еще жива, говорили лишь тихий, настойчивый писк кардиомонитора и едва заметные движения грудной клетки в такт дыханию под одеялом. На обмякшем лице не отражалось никаких эмоций. Это не было состоянием глубокой релаксации: у этой женщины все лицевые мышцы словно были кем-то выключены из розетки — обычно так люди могут выглядеть только после смерти. Я легко мог представить себе такое лицо в морге или у трупа в заброшенной лесополосе, но, к моему сожалению, оно принадлежало живому человеку.

Инспектор уголовной полиции Марк Хэтчер взглянул на спящую женщину и не смог сдержать тихого «Господи!». Он смотрел на нее, как загипнотизированный, время от времени качая головой, вздыхая и красноречиво жестикулируя. Я познакомился с Хэтчером в Куантико на учебном курсе по составлению поисковых портретов преступников. Я вел этот курс для иностранных полицейских, и Хэтчер был в их числе. Он отличал-

Джеймс Кэрол

ся от остальных, потому что на всех без исключения лекциях сидел на первом ряду и у него всегда был наготове вопрос. Он нравился мне тогда, нравился и сейчас. Он был одним из лучших инспекторов Скотланд-Ярда. Человек, на протяжении тридцати лет смотревший в ницшеанскую бездну и не превратившийся за это время в бесчувственного робота, однозначно достоин моей симпатии.

Но эти годы, конечно, не прошли для него бесследно. Они высосали из него всю его живость и радость. Он был весь седой, у него потемнела кожа, да и сам он весь тоже как-то помрачнел. Он приобрел особый цинизм, присущий полицейским, много лет посвятившим службе. В по-собачьему грустных глазах Хэтчера я прочитал всю его печальную историю. Его глаза видели столько, сколько никому не пожелаешь увидеть.

— Патрисия Мэйнард — его четвертая жертва, так? — задал я риторический вопрос, чтобы вернуть Хэтчера к реальности больничной палаты.

— Да, — Хэтчер глубоко и устало вздохнул, покачал головой, а затем повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. — Уже год и четыре месяца я пытаюсь поймать этого ублюдка, и знаешь, мы ведь вообще не продвинулись. Как будто мы играем в «Змеи и лестницы»*, и кто-то своровал все чертовы лестницы и в каждой клетке нарисовал змеиную голову. — Он опять вздохнул и покачал головой. — Я думал, Уинтер, что уже видел все, что только можно, но это что-то новое.

* «Змеи и лестницы» — настольная игра с игровым полем, фишками и кубиком. Цель игры — первым добраться до финиша. Если фишка остановилась на ячейке с лестницей, игрок передвигает фишку вверх до конца лестницы, становясь ближе к финишу. Если же фишка остановилась на ячейке с головой змеи, фишка спускается до хвоста и игрок теряет позиции.

Сломанные куклы

Конечно, он не мог перевидать всего. Конца и края ужасам, которые придумывают маньяки, не намечалось, но даже я был готов признать, что нынешний случай — необычен, а уж я-то видел все. Оказалось, что смерть — не худшее из того, что может случиться с человеком, и Патрисия Мэйнард была живым тому свидетельством.

Я смотрел, как она лежала в малюсенькой одноместной палате, опутанная проводами, с катетером и капельницей в тыльной стороне запястья, и мне опять пришла в голову мысль о том, что уж лучше бы она была мертва. И я даже знал, как это устроить: отсоединить капельницу и шприцем нагнать воздух в катетер.

Сначала произойдет закупорка сосудов в правой половине сердца, затем — в легких. Легочные сосуды сожмутся, провоцируя повышение давления в правой половине сердца до тех пор, пока эмболия не перекинется и на его левую половину. Отсюда, по кровеносной системе, воздух разнесется по всему организму. Попав в коронарную артерию, он вызовет сердечный приступ. А добравшись до мозга — инсульт.

Четкое, простое решение. Если никто не будет сильно копать и искать реальные причины, риск получить срок — минимальный. Да никто и не будет разбираться. Весь мой опыт был подтверждением тому, что люди видят только то, что хотят. Патрисия Мэйнард провела в плену три с половиной месяца, и за это время она прошла сквозь ад. Если бы она умерла сейчас, мы бы все с радостью подумали, что ее организм в конце концов просто сдался. На этом все. Дело закрыто.

— Анализ ДНК что-то дал? — спросил я.

— Это тот же человек, который «работал» с остальными тремя женщинами, но он не совпадает ни с кем из нашей базы данных.

Джеймс Кэрол

— И никакой новой информации о нем не появилось?

— Нет, ничего нового, — покачал головой Хэтчер.

— То есть все, что мы имеем, — четыре жертвы, которые не могут говорить, и ноль информации о личности маньяка.

— Да, это все, что есть, — вздохнул Хэтчер. — И нужно найти его, пока он не схватит следующую жертву.

— Не получится. После того, как он выпустил первую жертву, прошло два месяца, прежде чем он похитил следующую. Патрисию Мэйнард он похитил всего через трое суток после того, как избавился от третьей жертвы. Обычно у психопатов после периода активности бывает период затишья, некоторого охлаждения, когда они упиваются собственными фантазиями, которые еще настолько сильны, что способны удерживать маньяка в норе. У этого парня фантазии явно больше не работают. Они больше не могут хоть как-то заменить реальный опыт, на который он уже подсел. И у него сейчас фаза обострения. Патрисию Мэйнард нашли позавчера. Предполагаю, что следующую жертву он похитит сегодня вечером.

— Плохие новости — это как раз то, что мне сейчас нужно, — Хэтчер опять вздохнул и провел рукой по усталому лицу. — Ну, а хорошие новости есть, Уинтер? Я жду от тебя хороших новостей, я тебя вообще-то за ними сюда позвал.

— Хорошая новость состоит в том, что чем больше ходов он совершает, тем больше вероятности, что он сделает ошибку. Чем больше ошибок он делает, тем легче будет его поймать.

— Отличная теория. Только вот сейчас где-то ходит женщина, жизнь которой скоро превратится в самый страшный кошмар, а я ничего не могу сделать,

Сломанные куклы

чтобы этому помешать. А это моя работа — защищать людей.

Сказать тут было нечего. Я бывал на месте Хэтчера много раз и прекрасно знал, что он сейчас чувствует — беспомощность и потребность что-то сделать, хотя сделать ничего не можешь. Меня больше всего мучила злость на самого себя за неспособность сложить пазл, злость на мир, в котором такие пазлы вообще могли существовать.

Какое-то время мы многозначительно молчали и смотрели на спящую Патрисию. Кардиомонитор отмерял пульс, одеяло поднималось и опускалось, настенные часы показывали бегущие секунды.

Патрисию было двадцать восемь лет, у нее были карие глаза и темные волосы. Но в данный момент цвет глаз определить было невозможно, поскольку они заплаканы и опухли. Сказать что-то определенное про волосы тоже было трудно, потому что маньяк побрил ее налысо. Кожа вокруг глаз была вся в синяках, а кожа головы под ярким больничным освещением была похожа на гладкий и блестящий розовый купол. Волосы еще не начали отрастать, что означало, что сбрили их совсем недавно, перед тем, как выпустить на свободу. Очень маловероятно, что она была первой, над кем так поиздевался этот маньяк. Его явно заводили унижение, боль и мучение.

За свою жизнь я говорил с десятками убийц, пытаюсь понять, что же ими двигало. Это моя работа — пытаться разобраться в том, почему одно человеческое существо испытывает удовольствие от нанесения увечий другому. Но я никак не мог объяснить себе, зачем Патрисию Мэйнард сделали лоботомией.

Продолговатый мозг, который управляет сердечно-легочными функциями, затронут не был. То есть до

Джеймс Кэрол

конца жизни ее сердце будет биться, и она будет дышать. Патрисии не исполнилось даже тридцати, она легко может прожить еще сорок или пятьдесят лет. И эти полвека она проведет в темноте, в полной зависимости от других, не имея возможности самостоятельно питаться, ходить в туалет, сформулировать мысль или связное предложение. Мне было невыносимо думать об этом.

— И на черепе нет ни одного шрама? — задал я еще один риторический вопрос, на этот раз, чтобы самого себя вернуть к реальности больничной палаты.

— Нет, потому что к мозгу он пробрался через глазницы, — ответил Хэтчер, не сводя глаз с Патрисии. — Ты увидел все, что хотел, Уинтер?

— Да, более чем достаточно, — сказал я, тоже не в силах отвести взгляд от женщины. — Давай поедем в Сент-Олбанс. Мне надо поговорить с Грэмом Джонсоном.

— А это обязательно? Мои люди уже допросили его.

Я наконец оторвался от Патрисии Мэйнард и посмотрел на Хэтчера:

— Я уверен, что твои люди поработали на совесть. Но Патрисию нашел Джонсон, а это означает, что от нашего психа его отделяют всего два шага. А раз уж наши жертвы не очень разговорчивы, Джонсон — моя единственная на сегодняшний день возможность приблизиться к нему. Так что да, я хочу с ним поговорить.

— Ну ладно. Сейчас позвоню и постараюсь найти кого-нибудь, кто тебя отвезет туда.

— И сколько времени займет поиск? Лучше отвези меня сам.

— Никак не смогу, меня ждут в отделении.

— Ты начальник и можешь делать все, что угодно, — усмехнулся я. — Поехали, Хэтчер, будет весело.

Сломанные куклы

— Весело! Знаешь, Уинтер, у тебя какое-то извращенное понимание веселья. Весело — это потусить с двадцатитрехлетней блондинкой. Или на яхте у какого-нибудь миллиардера. А то, чем мы занимаемся, это ни разу не весело.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Хэтчер? Ты погряз в бумажной работе. Ты когда в последний раз делал то, что должен делать полицейский? — усмехнулся я. — Не говоря уже о том, когда ты в последний раз общался с двадцатитрехлетней блондинкой?

Хэтчер в который раз глубоко и устало вздохнул:

— Мне надо вернуться на работу.

— А я только что перелетел через Атлантику, чтобы спасти твою задницу. И, кстати, в последний раз я спал тридцать шесть часов назад.

— А это уже психологическое давление.

— И что дальше?

Хэтчер вздохнул.

— Ладно, я отвезу.

2

Хэтчер вел машину быстро и аккуратно, спидометр колебался вокруг 140 и редко опускался ниже 125 километров в час. Мы ехали по городскому шоссе М1 на север, в пригород Лондона. Справа и слева к дороге примыкали мрачные серые здания, а в декабрьском тусклом дневном освещении они казались еще более депрессивными.

До Рождества оставалось меньше недели, но даже украшенные праздничной иллюминацией окна домов не могли добавить красок этому дню. Световой день подходил к концу, наступали сумерки, серо-синее небо

Джеймс Кэрол

закрывали темные грозовые тучи. Судя по новостям, ожидался снегопад, и люди уже делали ставки, будет ли в этом году снежное Рождество. Я могу понять, что кому-то нравится делать ставки, но как кому-то может нравится снег? Он же холодный, мокрый и депрессивный. Я всегда в душе буду калифорнийцем. Мне так же сильно необходимо солнце, как наркоману доза.

— Я очень тебе благодарен, что ты согласился взять это дело, — сказал Хэтчер. — Я знаю, что ты очень занят.

— Рад быть здесь, — ответил я.

А про себя отметил, что это неправда. Ведь сейчас я мог быть в Сингапуре, или в Сиднее, или в Майами — где-нибудь, где солнечно и жарко. А вместо этого в этот промозглый декабрьский день в Лондоне я изо всех сил стараюсь не простудиться и не обморозиться, а тут еще скоро ожидаются снегопады.

Винить, кроме себя, было некого. Когда ты сам себе начальник, ты сам решаешь, где тебе быть и что делать. Я согласился приехать в Лондон, так как случай был неординарным. Все неординарное вызывает мой интерес, а интерес — это единственное, что перевешивает на чаше весов даже солнце.

После ухода из ФБР я стал ловить серийных убийц в самых разных частях света. Каждый день я получаю новую просьбу о помощи, а иногда даже две или три. И выбор дается очень тяжело, ведь отказ может означать смертный приговор какому-то человеку, а чаще даже не одному, ведь маньяки по своей воле не останавливаются, кто-то должен их остановить. По этой причине во время работы в ФБР бессонница была обычным делом для меня. Сейчас я уже сплю лучше, но это все благодаря убойной смеси снотворного, виски и усталости из-за смены часовых поясов.

Сломанные куклы

К сожалению, человеческих монстров в мире меньше не становилось. Они были всегда, с тех пор как Каин убил Авеля, и со временем они множились, как сорняки. Ловишь одного — на его месте тут же появляется десяток других. Где-то я слышал, что только на территории США орудует около сотни серийных убийц. И это только убийцы. А если взять в расчет поджигателей, насильников и остальных извергов, единственная цель жизни которых состояла в причинении боли и страданий другим людям?

В годы работы в ФБР я выглядел, как типичный агент этого ведомства: хороший костюм, начищенные до зеркального блеска ботинки, коротко стриженные и аккуратно зачесанные назад волосы. Мне приходилось красить волосы в черный цвет, чтобы ничем не выделяться. Поставь меня в ряд из тысячи таких же агентов, и я слился бы с их толпой.

Сейчас с внешним видом все гораздо проще. Накрахмаленные белые рубашки и тесные костюмы ушли в прошлое, и на смену им пришли джинсы, футболки с изображениями мертвых рокеров и толстовки с капюшоном. Вместо начищенной обуви — удобные стертые ботинки для рабочего класса. С краской для волос я тоже попрощался. Может, я теперь выгляжу не так презентабельно, как раньше, но зато работать мне стало гораздо удобнее. В костюме спецагента ходишь, как в смиренной рубашке.

— Какое у тебя первое впечатление? — Хэтчер посмотрел на меня, держа руль одной рукой на скорости 160 километров в час.

— Этот тип остановится только в двух случаях: или мы его ловим, или он умирает — естественной или насильственной смертью. Ему слишком нравится то, что он делает, сам он не остановится.